

**ЛЕМЕЩЕНКО
ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ**

Д. э. н., профессор, Белорусский государственный университет

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ
ЭВОЛЮЦИИ ЛОГИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Современная практика мир-экономики с ее количественными и качественными проявлениями есть не что иное, как *опредмеченное научное знание прошлого*. Однако, если принять во внимание крайне противоречивые оценки достигнутых результатов политико-хозяйственной деятельности человека, то необходимость переосмысления достижений экономической науки становится не только очевидной, но и крайне актуальной проблемой. Активное обращение в последнее время к институтам, требует не просто их теоретического обобщения, но и выяснения *гносеологических возможностей и ограничений (!), места теории институтов* в общей картине научного экономического знания. Системные трансформации, которые охватили почти все социалистические страны и которые пока безуспешно растянулись *на неопределенно длительный период*, еще больше требуют переосмысления существующих исследовательских традиций экономической науки. Экономисты этих стран, воспитанные в традициях марксизма¹, в одночасье освободив себя на формальном уровне от обязанностей перед данной теорией – политэкономией, все же остались с проблемой освоения философского, социального, исторического и политического контекста принятых и пропагандируемых альтернативных направлений науки². Предметная и методологическая неопределенность, императивно-нормативная направленность, описательность, политическая эмоциональность и непроверяемость на истину характеризуют большинство статей по анализу современной действительности. В свою очередь учебные планы и программы по экономике механически скопированы иногда в упрощенных вариантах с вводных курсов провинциальных американских колледжей и доводятся уже до типовых. Примечательно то, что образовавшийся еще в

¹ Надо все-таки отличать марксизм по своему источнику, теории и развитию от вульгарного, интерпретируемого марксизма, получившего своеобразную политико-идеологическую окраску в бывших социалистических и других странах.

² Прежде всего, обращает на себя внимание крайне малое количество научных изданий по анализу и оценке самих экономических исследований. К тому же «утрачены» свойства, признаки, которые отличают фундаментальное научное от знания, воспринимаемого на уровне здравого смысла. Метод «здравого смысла», отражая «нездоровость», незрелость, изменчивость переходной эпохи, воспроизводит усиление неопределенности и ведет к ошибкам, что с очевидностью подтверждается практикой

советское время разрыв между теорией и практикой, углубился еще больше, поскольку аналитический аппарат, преподаваемый в вузах, можно сказать, почти не используется ни выпускниками, ни самими преподавателями. Область принятия политических процессов и решений вообще осталась за пределами теоретического анализа.

Полный крах и несостоятельность обнаружили советы и программы, разрабатываемые западными экономистами неоклассического толка для государств, избравших путь политико-экономических и социальных преобразований. Как оказалось, не учли самого главного – тех неформальных системообразующих институтов, которые нельзя изменить в одночасье, но трансформация которых имеет свои закономерности и траекторию эволюции [1, 2, 3]. «Если судить о современной экономической теории по ее философскому и историческому содержанию, – пишет Р.Л. Хайлбронер – мы будем вынуждены определить ей место в надире, а не в зените ее истории» [4, с. 53]. В результате образовался «дефект знания», который, подобно дефекту массы в физике, не дает нам целостного политико-экономического и культуролого-экологического образа взаимоотношений человека, общества, природы, техники.

Наука экономика в парадигмальной ретроспективе

Парадигма выполняет роль дисциплинарной матрицы, признаки которой позволяют каждому вступающему в определенное сообщество проводить аналитическую деятельность по выработанным и признаваемым нормам, правилам, алгоритму. Содержательным ядром парадигмы служит *общая картина, представление, образ или модель* исследуемой реальности³. Эта онтологическая составляющая обеспечивает связь предмета науки с объектом, поскольку в этой картине или универсалистской схеме интегрируются и систематизируются разнородные свойства явления на определенном этапе развития, отражая сложившееся в каком-то научном сообществе представление об объекте познания.

Логика развития экономической науки определяется взаимодействиями внутри системы знания – между собственно теорией, эмпирией и общей картиной исследуемой реальности. Смена парадигмы характеризуется ситуацией, когда новые явления выходят за привычные рамки системы знания и вступают в противоречие с идеалами, нормами, критериями научной деятельности. Жизнь показывает, что такое противоречие было в экономике советского типа, практика которой не вписывалась в общий контекст политэкономии социализма. Такое противоречие есть и сегодня, поскольку изучаемые и пропагандируемые

³ Применение выводов И. Лакатоша к экономической науке обнаружило удивительный парадокс – параллельное существование в рамках одной парадигмы нескольких течений, что несвойственно ни для какой другой научной области. В силу этого и других обстоятельств понятие «парадигмы» стало заменяться «исследовательской программой».

курсы Экономикс, выполненное в *неоклассических традициях* (!), по сути, никак не отражает современную реальную ситуацию.

Конфликт в том, что новая реальность и идеи должны оцениваться либо по старым критериям прежних дисциплинарных норм, либо по новым, но абстрактным и неопределенным, не отражающим *общее основание* (!) иной (??) формирующейся мировой экономической системы и, естественно, национальных. Быстрая и решительная отмена прежней теории без априори выдвинутой новой приводит к теоретическому вакууму, в котором начинают господствовать астрологические прогнозы и спекулятивные идеи. Иначе эту ситуацию можно назвать *антинаукой* или *паранаукой*, но это пока не рассматривается.

Какие же парадигмы можно выделить с позиций сегодняшнего дня в экономической науке? Первая целостная политико-экономическая картина представлена классической школой. Используя традиции естественных наук и особенно ньютоновской физики, классики предложили воспринимать эту картину как *мир богатства*. В достижении и превращении форм богатства его распределение они искали универсальные объективные законы, на основе которых стремились объяснить и предвидеть основные тенденции экономического развития. Объяснение источника богатства с точки зрения труда заложило *новую норму поведения* – *стоимость*, которая провела грань между экономической эффективностью и справедливостью. В стоимости фиксировалась также социальная, экономическая, правовая и нравственная основа взаимодействия членов общества, значимость которых определялась трудовым участием, а не сложившейся кастово-сословной дифференциацией. Можно заметить, что в интерпретации классической политэкономии нашла свое отражение теоретическая экономика. Она не только на абстрактно-понятийном уровне целостно зафиксировала через обобщение достижений других наук *политико-экономическую систему*, но и определила историческую тенденцию, формы ее эволюции⁴.

Свое развитие классическая школа получила в *марксизме*. Здесь не только сохраняется, но под влиянием гегельянства усиливается установка на сущность, закон, закономерности смену стоимостных форм богатства и отношений, в конце концов, на теорию, в которой задача дополняется поиском внутренних причин саморазвития капитала. *Новизна подхода* состоит в объединении исторического и логического, в чем проявился ответ марксизма на вызов исторической школы. Введенный марксизмом

⁴ Обобщение и интеграция выводов частных наук А. Смитом достигалось через неформальные отношения его с экономистом Дж. Стюартом, философом Д. Юмом, медиком У. Хантером, изобретателем Дж. Уаттом, химиком Дж. Блеком, социологом Ад. Фергюсоном, архитектором Р. Адамом. Интерес представляет также «за» профессиональной деятельностью других известных экономистов.

принцип историзма позволяет общий, универсальный характер законов модифицировать в законы специфические, определив тем самым границы действия этих общих законов и своеобразие их проявления. На наш взгляд, если использовать идею о делении парадигмы на «жесткое» ядро и «защитную» оболочку, то изменения философско-методологического основания *марксизма* произошли как в первом, так и во втором блоках. Речь идет, прежде всего, о границах эффективности отношений прав собственности, об издержках обмена и конкуренции рыночного хозяйства, о противоречиях между трудом и капиталом, самодвижении капитала.

Серьезным испытанием для классической политэкономии явилась критика ее со стороны исторической школы. Представители этого направления стали родоначальниками антисциентистской традиции в экономике, ориентирующую исследователя, прежде всего, на богатую фактами гуманитарную основу экономического знания. Для них экономика – это, прежде всего, *мир хозяйства, опосредованный историко-культурными ценностями*.

Знаменитый «спор о методе» особенно остро проявившийся в полемике между Г. Шмоллером и К. Менгером не привел к утверждению нового методологического канона, однако дал импульс к расчленению единой науки об экономике на две части: первую, утверждающую в познании абстрактные дедуктивные начала («рикардианский порок»), и вторую, отстаивающую целостность, специфичность и многообразие хозяйственных культур («шмоллеровский порок»).

Новый парадигмальный сдвиг связан с возникновением маржинализма. *Мир хозяйствующего субъекта*, который сам активно вовлечен в экономическую деятельность, был положен в основу познания происходящих процессов⁵. Поиск объективных, сущностных, причинно-следственных связей был заменен поиском рациональных функциональных связей на уровне явлений, которые выступают результатом деятельности хозяйствующих субъектов. Общая картина социально-экономического мира неоклассиками была редуцирована до уровня среднестатистического экономического агента, имеющего определенный набор предпочтений и корыстные мотивы максимизации полезности в поведении. После выхода в свет известной работы А. Маршалла учебная дисциплина «политэкономия» заменяется «экономикой» с ее позитивистской философией и аналитическим технико-функциональным аппаратом. Это понятие стало символом названия и новой науки, объект и предмет которой до сих пор не определился (Р. Коуз). Дело в том, что последняя у неоклассиков под влиянием

⁵ В этом можно заметить *второй уровень субъективированной рациональности* (классическая политэкономия с ее объективными законами – первый), к которой обращаются экономисты.

позитивизма складывается из отдельных «коротких цепочек»⁶ частных отдельных теорий, инструментов, охватывающих короткие промежутки времени.

Примечательно и странно то, что, определяя экономическую теорию «ящиком инструментов», неоклассики *способ выбора инструментов вообще не относят к компетенции науки*, а в большей степени ориентируют на Здравый Смысл исследователя. К этому надо еще добавить, что *целостное теоретическое (политико-экономическое) знание в начале 20 в. начало трансформироваться в ряд таких самостоятельных специальных наук, как политология, менеджмент, социология, экономическая история, история экономических учений*. Таким образом, под влиянием научных специализаций и использования в производстве экономического знания частных методов экзотерической направленности это знание приобретает черты калейдоскопичности, фрагментарности и статичности. Из этих фрагментарных «лоскутков» невозможно воспроизвести целостный образ, целостную политико-экономическую и социальную картину, не имея общего образа.

Теория Дж. Кейнса под влиянием противоречий, существующих в реальности и в знании, расширила горизонты анализа, но уже за счет изменения в «защитной» оболочке. *Мир, а, следовательно, и рациональность активного деятельного субъекта* – так можно охарактеризовать теоретический подход Кейнса и его последователей. Включение в исследовательское поле макроэкономических проблем *наметило сближение* неоклассики и марксистской теорий.

Разного рода острота и глубина проблем реальности, логические парадоксы активизировали во второй половине прошлого века деятельность как традиционных, так и новых научных школ и направлений. В 80-е годы философско-методологические дискуссии переросли в методологический бум, в которой явно просматривается идея формирования метапарадигмы на междисциплинарной основе.

Недавно У. Баумоль положил начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения экономической теории за прошлый век: «... Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем» [6, с. 80, 104]. Поэтому М. Алле и отмечает: «Как физика сегодня нуждается в единой теории всеобщего

⁶ Так выражает свою исследовательскую стратегию А. Маршалл: «... Функция анализа и дедукции в экономической науке состоит не в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, а в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных соединительных звеньев [5, т.3, с.212].

тяготения, электромагнетизма и квантовой физики, так и гуманитарные науки нуждаются в единой теории поведения людей» [7, с. 27].

Интегрированный анализ истории, философии, права, собственно экономики, природно-региональных особенностей обнаруживает *этическое начало* английской политэкономии, *конституционно-правовую* основу американской теории, *историко-культурные* корни западноевропейской науки и *патриархально-самодержавные* элементы экономической науки Российско–Белорусско–Украинского региона. Эти особенности теории четко *проявляются в реальных политико–экономических моделях* со всеми последствиями.

От фрагментарных концепций к целостной теории

К целостной теории, в нашей интерпретации – теоретической экономике – закономерно подводят те изменения, которые происходят как на стороне реальных хозяйственных *процессов*, так и на уровне имеющихся тенденций в *гносеологии*. Это уже *четвертый уровень рациональности*, ориентирующий на переосмысления уже самой теории и как ее следствия – реализованной практики.

В фундаментальной своей части *современная наука* об экономике фиксирует тот набор элементов, связей, отношений, который образуют хотя и общую относительно устойчивую систему, воспроизводящую уровень освоения человеком природной среды, технико-технологического развития, степень психо-биологической и социально-экономической самоидентификации индивида, формы и параметры его защиты. Исходной единицей анализа, таким образом, уже выступает *институт, а точнее – институциональная ценность*. Последняя в анализе выполняет ту же роль, которую выполняли в соответствующих школах стоимость или цена производства. *Теоретическая экономика, следовательно, – это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы и ее конкретных хозяйственных порядков, определение принципов их функционирования и управления, а также форм отношения поведения людей, реализующих в своей деятельности присущие им интересы*. Этим определением делается попытка, во-первых, зафиксировать естественное и закономерное развитие предмета науки об экономике, которая также эволюционировала в количественном и качественном направлениях. Во-вторых, *хозяйственный мир* – это сложный, но все же *целостный мир*, который требует такого же *целостного* к себе подхода. *Институциональное теоретическое основание* закладывает не только начала такого его синкретичного восприятия. Определяя экономическую науку (экономикс, экономическую теорию) через ограниченные ресурсы и конкурирующие цели, мы заранее ограничиваем себя в ответе на вопрос: *почему же* разные страны,

располагающие примерно равными, а может и большими ресурсами, имеют принципиально разные результаты в социально-экономическом прогрессе. В-третьих, обращение к теоретической экономике как естественному этапу научного развития через институты обнаруживает *синтез* сущностного эзотерического подхода с феноменолистским экзотерическим [8, с. 11-33]. Как во времена классической политэкономии, исследовательская *аксиоматика* закладывается на *сущностном уровне*, отражающем связь человека с природой, имеющимся технологиями, мировым сообществом. В-четвертых, теоретическая экономика ставит задачу (по крайней мере, это вытекает из анализа имеющихся в науке и практике проблем) проводить *многоуровневый «срез» общественно-экономической системы*. Точкой отсчета в отличие, например, от эпохи классицизма, когда воспроизводилась национальная политико-экономическая система, здесь выступает обобщенное отражение современной *мир-экономики с ее тенденциями*. Для чисто экономического анализа это дает ориентир на поиск новых факторов, влияющих на спрос и предложение, на выяснение дополнительных источников производства продукта, дохода и пр. Скажем так, теоретическая экономика должна *сконструировать через адекватную систему категорий современную «хозяйственную конституцию»*, в структуре которой занимают соответствующие места национальные государства. Сами национальные государства сегодня уже вынуждены правила международных институтов закладывать в своих стратегиях. Более частные же теории, например, политэкономия государства, теория окружающей среды, микро-, макроэкономика, теория финансов, региональной экономики, институциональной и эволюционной экономики, восприняв от общей теории исходные аксиоматические установки, *дополняют* общую экономическую картину на разных уровнях хозяйствования.

В-пятых, теоретическая экономика не стоит ни в начале изучения реальной действительности, ни в конце, как это думают эмпирики, ни рядом. Она расположена *в центре процесса познания*, задавая его направление и формируя инструменты, которые создаются для получения научного опыта. Иначе говоря, теория без фактов может быть пустой, однако *факты без теории бессмысленны*. В разработке научной хозяйственной картины мира важная роль отводится *исходным определениям*. Они обобщают результаты определенного анализа, синтезируя частные стороны явления и тем самым «позволяют» работать с этими явлениями, но уже на другом, более глубоком уровне познания действительности. Теоретическая экономика ориентирует на *воспроизводство* в современном мире, к которому *в свое время* обращалась классическая политэкономия. «Экономикс» или же «экономическая

теория» из всей воспроизводственной системы в своем анализе обращается лишь к фазе обмена, что крайне сужает исследовательское поле, создавая недопроизводство знания.

Некоторые выводы

Итак, классическая политэкономия ответила на вызов своего времени, определив *институциональный остов общества* и стратегическое направление экономического развития, дав начало поиска причин, источников и общественных форм богатства. Маркс в своей теории прописал более логично и четко самодвижение форм богатства с выделением возникающих *новых институциональных норм эпохи промышленного капитала*, ограничивающих развитие последнего. Кейнс, мужественно преодолев «стандарты» неоклассического мышления, своей теорией эффективного спроса расширяет предмет науки, чем закладывает основы и дает ориентиры *на изменение норм и правил* реальной экономической системы. Частная теория монетаризма уже расширила производственные возможности за счет активизации *спекулятивной нормы* поведения хозяйствующих агентов, изменяя денежные отношения и рамки.

Этим небольшим экскурсом хотелось бы обозначить действительно практическую значимость фундаментальной теории, результат и пользу которой иногда пытаются выразить суммой полученных денежных заказов. Но здесь есть два парадокса. На первый когда-то обратил внимание Дж. Гэлбрейт: «Одна из редких, но хорошо вознаграждаемых профессий состоит в том, чтобы снабжать всех, кто в состоянии платить, нужными им выводами и умозаключениями, должным образом подкрепленными статистическими данными и моральным негодованием» [9, с. 313]. Второй парадокс менее заметен. Теоретическая экономика, как фундаментальная наука, выступает своеобразным *общественным благом*. Этим благом, благом стремления к истине, сущности в той или иной мере могут или будут пользоваться и пользуются многие, *но платить за эти разработки сегодня никто не хочет*. К тому же индивидам, мыслящим в единых теоретических рамках, легче понимать друг друга в своих стратегиях, что снижает неопределенность и трансакционные издержки в реальной практике. Снижение неопределенности и рост доверия контрагентов создает в свою очередь условия для составления более реальных по вероятности прогнозов.

Теоретическая экономика по своему предмету должна учитывать и политическую сферу: ее идеологию, организационную структуру, интересы, режим власти, способ принятия и реализации политических решений, кадровые назначения и многое другое. Традиционный экономикс к политической сфере до сих пор относился как к экзогенному фактору. Отсюда ориентация на позитивный экономический анализ. До сих пор

сфера принятия и реализации политических решений является самой неисследованной и самой дискуссионной областью. Любая власть любой страны всегда информационно, финансово, организационно ограничивает политико-экономические разработки. *Будут финансироваться и признаваться лишь те выводы, которые не ориентируют на кардинальные институциональные изменения институциональной основы общества.* Допустить экономическую науку в политический процесс означает приоткрыть занавес таинственности, который является частной собственностью бюрократии, приносящей *политическую ренту*.

Существует широко распространенный метод манипулирования «научными» знаниями на разных стадиях политического цикла. Такое явление широко распространено во всех странах. Иначе это можно назвать *институциональной конкуренцией*. Но при привлечении научных работников на определенные должности приводит не только к мутации их мышления, но и поведения. Сказывается эффект зависимости от философско-психологических установок бюрократической олигархии. Отделить же интерес последних от государственного интереса и интересов существующих социальных групп и классов, сформировав, например, эффективную политику распределения доходов без обращения к целостному теоретическому анализу вообще невозможно.

Литература

1. Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002.
2. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
4. Хайлбронер Р. Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1.
5. Маршалл А. Принципы экономической науки: В 3-х т. М., 1993. Первое русское издание: Маршалл А. Принципы политической экономии: В 3-х т. М., 1983.
6. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001. № 2.
7. Алле М. Единственный критерий истины – согласие с данными опыта // МЭ и МО. 1989. № 11.
8. Экономика: университетский курс / Под ред. П.С. Лемешенко, С.В. Лукина. Мн., 2007.
9. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество, М., 1969.

Лемешенко Петр Сергеевич, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, докт. экон. наук, профессор;
(220050, комн. 203, 410, кафедра теор. и инстит. экономики, эконом. факультет, Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, г. Минск, Республика Беларусь; тел.: сл. 222 35 93, 222 36 01; адрес дом.: 220100, д. 78, кв. 493, ул. М. Богдановича, Минск, т/факс 231 96 64;
e-mail: индивидуальн. - lemeshchenko@bcse.by; кафедры - caftiec@bsu.by